

Игорь Моисеев:

БЕЗ ПРИЗВАНИЯ НЕВОЗМОЖЕН УСПЕХ!

11 НОЯ 1972

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

— Игорь Александрович, что побуждает хореографа к творчеству? Что диктует ему выбор темы?

— Причин много. Но прежде всего это сама жизнь. Ведь хореограф не сторонний наблюдатель, а активный ее участник. Правда, его видение мира, окружающей среды многообразнее, он должен обладать целым комплексом качеств, присущих и режиссеру, и драматургу, и балетмейстеру, и музыканту. Что же касается выбора темы, то он диктуется замыслом, идеей, определяется сутью задач, поставленных современностью.

— Пройдет десятилетие, и в области народного танца, очевидно, уже будут использованы все возможные комбинации малых форм. Настанет потребность в театре народного танца. Тогда, наверно, придется, создавая то или иное произведение, отталкиваться от литературных источников?

— Разумеется. Имея в распоряжении огромное фольклорное богатство, мы будем идти от народных былин, сказаний, сказок. Источником смогут послужить и другие вещи, соприкасающиеся с народными сюжетами, образами. Так родилась постановка «Половецких плясок» на музыку Бородина. Быть может, эта историческая жанровая сцена станет отправной точкой на пути поиска новых форм народного танца. Так что открытия еще впереди.

— Зарубежные мастера танца перенимают лучшее из вашего арсенала. Но перед вами, видимо, стоят проблемы, связанные с будущим танца?

— Предугадать танец будущего так же трудно, как определить веяния моды. В любом случае его рисунок будет продиктован жизнью. Динамика и выразительность, красота и поэтичность — вот его основные черты. Он обязан выражать определенную мысль и непременно обладать поэзией достоверности. Падение нравов за рубежом ведет сейчас к тому, что танец выходит из эстетических рамок, лишается нравственного начала. Это уже не искусство: иногда голая физиология с солидной дозой секса, иногда неумелые попытки во что бы то ни стало сказать свое слово. Мы же ратуем за создание танцев для миллионов людей!

— Вы объехали весь свет. Какой из гастрольных дней для вас самый памятный?

— Пережито так много, что выделить какой-то один день невозможно. Разве выкинешь из памяти 120-дневные гастроли по Южной Америке? Первые выступления в Рио-де-Жанейро на наскоро сделанном деревянном настиле вместо сцены... Взрывы бомб со слезоточивым газом, злобные выкрики фашистских молодчиков в Аргентине... Красочные ковры из сотен букетов роз в Перу... Кислородные приборы за кулисами на высоте 3.000 метров над уровнем моря в Эквадоре. Не изглаживаются из памяти и теплые слова тысяч неизвестных нам людей, разных по возрасту и профессиям.

— У вас большая почта во время гастролей?

— За рубежом мы иногда получаем свыше пятидесяти писем в день. Одних интересует биография ансамбля, другие просят фотографии с автографами, третьи исповедуются, четвертые советуют, пятые приглашают... Но большинство посланий содержит просьбы: авторы хотят посмотреть программу ансамбля на любых условиях. Один нью-йоркский студент за два билета на концерт был готов «лизнуть горячий утюг, пройти на руках от Бруклина до «Метрополитен-опера» и отдать коллекцию марок, которую собирал 15 лет».

— У вас ведь тоже, кажется, уникальная коллекция марок по истории, музыке, живописи?

— Марками стал увлекаться недавно, всегда больше тяготел к книгам. Только по изобразительному искусству у меня их около пяти тысяч томов. Я по образованию искусствовед, и хочется постоянно иметь под рукой образцы творений величайших мастеров прошлого. И потому большинство этих книг — альбомы репродукций.

— Вам грешно обижаться на славу. Ведь даже фильмы о вашем ансамбле сняли.

— Фильмы-то снимаются, но не так, как нам хотелось бы. Ну, разве обязательно брать в основу ленты всю кухню нашего творчества? У людей, видевших «Вечное движение», может сложиться впечатление, что Моисеев муштрует, а не учит, не ищет, что ансамблевцы только и знают, что отбивать каблукками всевозможные ритмы до седьмого пота. Остались за кадром и экскурсии, множество встреч с очень интересными, поистине выдающимися людьми и целыми коллективами. А разве мало у нас танцоров, увлекающихся спортом, туризмом, коллекционированием, изучением языков? Согласитесь, стоило ли ехать в Париж, чтобы заснять, как танцовщицы вяжут в автобусе?

— В одной из наших бесед вы ратовали за масштабность человеческих черт, выступали против малейшего проявления недисциплинированности, расхлябанности, пустословия...

— Не хочу впадать в трафаретность, но в самом деле о человеческих качествах стоит говорить лишь тогда, когда они значительны. В людях ценю целеустремленность, умение сосредоточиться в нужный момент, собраться. Не терплю подлости, хамства. Почему-то о последнем пишется, как о явлении исключительном, а на самом деле у нас еще порядочно людей страдает отсутствием внутренней культуры, самодисциплины.

— Чем насыщен ваш рабочий день?

— Мне трудно жить по расписанию. То одолевают журналисты, то вызов из министерства, то на встречу к нам едут посланцы искусства союзных республик, представители разных художественных коллективов страны, зарубежные гости... А ведь нужно работать над сценариями, отбирать музыкальные средства. А еще режиссура, репетиции, занятия с молодыми артистами. Впрочем, почему вы задали этот вопрос?

— Удивляюсь легкости, с какой вы на репетициях показываете сложнейшие па.

— 15 лет был солистом балетной труппы Большого театра плюс многолетний систематический тренаж.

— В вашем деле, очевидно, постоянство сценических достижений немислимо без длительного сохранения формы!

— Без призвания, верности профессии, каждодневной траты физических и духовных сил невозможен мало-мальски серьезный успех. Эта аксиома годится не только для балета.

Вел беседу Ю. БЕСПАЛОВ.